

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ИВОЛГИНСКОМ ГОРОДИЩЕ (К ВОПРОСУ О МОНГОЛЬСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ХУННУ)¹

Б.Б.ДАШИБАЛОВ, Д.А.МИЯГШЕВ, Э.Б.ДАШИБАЛОВ

*Россия, г. Улан-Удэ,
Бурятский государственный университет*

С 2008 года на Иволгинском городище хунну начала работы Байкальская археологическая экспедиция. Иволгинское городище было известно у местного населения под названием «Китайское место». Первые письменные сведения об Иволгинском городище оставил В.В. Попов, который в 1927 году осмотрел этот памятник вместе с В.П. Дуненко и А.Ф. Кобылкиным. Г.П. Сосновский в 1928-1929 годы исследовал три жилища типа полужемлянок и опубликовал описание и планы городища. В 1949 году по инициативе А.П. Окладникова в составе Бурят-Монгольской археологической экспедиции был организован Иволгинский отряд под руководством Шилова В.П., который в 1949 – 1950 годы предпринял раскопки на Иволгинском городище и заложил 18 раскопов. Отряд раскопал железоплавильную мастерскую, 22 жилища и большое наземное здание.

В 1973-1974 гг. на территории Иволгинского (Улан-Удэнского) района под руководством Е.А. Хамзиной проводилась сплошная паспортизация памятников, в результате которой на государственный учет был поставлен Иволгинский комплекс. В начале 80-х годов Специальной научно-реставрационной мастерской Министерства культуры Бурятской АССР было проведено выделение охранных зон Нижнеиволгинского археологического комплекса включавшего Нижнеиволгинское большое городище, Нижнеиволгинское малое городище, Нижнеиволгинский могильник. В 1987-1989 годы на городище работал Иволгинский археологический отряд Специализированных научно-реставрационно-производственных мастерских Министерства культуры

Бурятской АССР под руководством С. С. Миняева. В связи с планируемыми работами по искусственному орошению долины реки Селенги, где расположен памятник, встал вопрос о его сохранности. Министерством культуры Бурятской АССР было принято решение по реконструкции и музеефикации ряда объектов Иволгинского городища. Основное внимание при археологических

¹ Выполнено при поддержке РФФИ, грант № 08-06-00328; грант РГНФ № 08-01-00390а

раскопках было уделено получению исходных данных для реконструкции и музеефикации оборонительных сооружений.

В 1996 году в связи с подготовкой и проведением Археологического Конгресса посвященного 100-летию открытия хуннских памятников на Иволгинском городище под руководством Н.В. Именохоева были проведены зачистки стенок траншеи для показа участникам Конгресса. Эта траншея была заложена в еще 1987-1989 гг. экспедицией С.С.Миняева. В.И.Ташаком в 1994 году было проведено предварительное археологическое обследование участка реконструкции ЛЭП – 35 на территории Иволгинского гуннского городища.

Иволгинское городище расположено в 16 км к юго-западу от Улан-Удэ на левой надпойменной террасе старицы р. Селенги. По данным приборов глобального позиционирования координаты памятника следующие: N 51°45'48.17 E 107°28'25.49.

Район городища представляет собой остепненный ровный участок расположенный между поймой реки Селенги и заброшенными пашнями разделенными федеральной автомобильной трассой Иркутск – Чита. На юго – западе участок повышается и переходит в склоны Шаманских гор, где расположены ныне буддийский субурган и шаманское обо. На северо- востоке от городища по правому берегу реки Иволги проходит шоссейная дорога для перевозки речного гравия и песка. Севернее городища в 0,4 км от него по дну котловины течет р. Иволга, левобережный приток Селенги, на правом берегу которой расположен синхронный городищу могильник. Поверхность котловины ровная, с небольшими всхолмлениями и западинами, берега реки Иволги поросли кустарником.

Городище в плане имеет форму неправильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг вдоль старицы р. Селенги. С трех сторон (с севера, запада и юга) оно было защищено поясом укреплений, состоявшим из четырех валов и трех рвов между ними. Очертания валов расплывчатые, они разрушены и нивелированы временем и многолетней распашкой: края их плавно переходят в едва заметные углубления-рвы. Лучше валы сохранились с южной стороны, с западной - они едва возвышаются, а с северной - почти полностью уничтожены распашкой. Восточная сторона городища ограничена обрывом поймы, который, постепенно осыпаясь, разрушает культурный слой в этой части городища. Поверхность городища — почти ровная площадка, несколько повышающаяся к западу и северу. Поверхность городища слабо задернована и неоднократно распахивалась.

Впервые оборонительные сооружения городища исследовались Г.П.Сосновским, сделавшим правильный вывод о том, что городище защищалось системой искусственно насыпанных из суглинка валов. Он также отметил отсутствие наслоений в валах и следов их присыпки, но не обнаружил ни рвов

между валами, ни следов деревянных сооружений и не нашел в них никаких культурных остатков.

В дальнейшем валы исследовались трижды. Полный профиль траншей показал существование рвов между валами, что опровергает вывод Г.П.Сосновского об отсутствии рвов. Работы А.В.Давыдовой и С.С.Миняева показали, что наиболее глубоким оказался внутренний ров — 2,1 м, средний — 1,16 м, внешний — 1,13 м.

Визуальное обследование 2008 года выявило, что северная и часть западной линии оборонительных сооружений не просматриваются на поверхности, они запаханы. Таким образом, стало ясно, что северные границы городища точно не определены до сегодняшнего дня, очевидно, поэтому по территории городища прошли линии ЛЭП и связи.

Нами была получена аэрофотосъемка городища в Интернете «Google». На этом снимке просматривается не видимая на поверхности запаханная северная граница городища и видно, что на валы и рвы насыпаны отвалы. На снимке 2006 года хорошо видны раскопы и траншея, выкопанные С.С. Миняевым в 1987-1989 гг. Используя данные снимка и топографическую съемку нами выполнен план городища, который в дальнейшем будет уточняться.

Для того, что бы получить данных для реконструкции и музеефикации оборонительных сооружений и определение северной границы городища была произведена расчистка траншеи II, заложенной еще в 1962 году, в середине южной линии оборонительных сооружений. В 1987-1989 гг траншея была расширена С.С. Миняевым.

Также было обследовано состояние малого городища и могильника.

Малое городище расположено в 100 м к югу от Большого городища. Городище впервые было обследовано и описано Г.П.Сосновским. Им же был произведен осмотр поверхности городища и ближайших обнажений берега. Исследователем отмечено, что никаких культурных остатков или следов сооружений отмечено не было. Ныне городище представляет трапециевидный с неодинаковыми по размерам сторонами в плане участок, обнесенный хорошо заметным валом. Длина южного вала – 94 м, длина западного вала – 142 м, и длина северного вала - 15 м. Ширина вала 6-8 метров. В 1950 г. в северной части городища заложено два шурфа, в которых обнаружено несколько костей домашних животных. Профили стенок шурфов не показали наличия культурного слоя, не было отмечено и гумусированной прослойки. Через западный вал была проложена траншея, показавшая, что с внутренней стороны проходит искусственный ров, выброс из которого использовался для насыпки вала. В настоящее время по площади малого городища проходит грунтовая дорога к реке Селенге. В северной части городища установлен бетонный столб. По мнению

А.В.Давыдовой функциональное назначение «малого» городища не ясно, хотя допустимо видеть в нем загон для скота.

Еще одним объектом Иволгинского археологического комплекса является Иволгинский могильник. Могильник был открыт экспедицией А.В.Давыдовой в 1956 году. Следует отметить, что в публикации Г.П.Сосновского в примечаниях указывается, что в 1927 году В.В.Поповым в 1 км от городища, на песках по берегу реки Иволги были найдены из разрушенного погребения две бронзовые ажурные пластинки с изображениями змей и кусочками дерева от гроба, покрытого китайским лаком. В этой статье также опубликована фотография бронзовой ажурной пластины с изображением змей из разрушенного погребения на реке Иволге.

По мнению А.В.Давыдовой могильник составляет с городищем единый комплекс. За семь полевых сезонов (1956-1970 гг.) экспедиция кафедры археологии Ленинградского университета обследовала юго-западную часть всхолмления на которой расположен могильник. На вскрытой площади в 8000 кв. м. обнаружено 216 грунтовых могил в которых выявлены останки 244 человек (195 взрослых, 49 подростков и детей).

Археология показала, что в культуре хунну представлены две традиции - кочевого и оседлого мира. Причем оседлые традиции самым тесным образом связаны с дальневосточным регионом и имеют восточноазиатские корни, а истоки кочевых обычаев хунну, напротив уходят совершенно в другую сторону, в мир западных культур иранского круга.

У нас есть большие основания полагать, что восточноазиатский комплекс в культуре хунну может быть соотнесен с монголами. Монголы-народ восточноазиатского происхождения и генезис монгольской культуры связан с районами Дальнего Востока (Кызласов, 1975; Кычанов, 1980; Дашибалов, 2003).

Археологические признаки ранних монголов показаны Л.Р. Кызласовым - это оседлая культура с развитой поселенческой традицией, выраженной в квадратных домах с канами, хозяйственная деятельность связана с рыболовством, свиноводством и разведением собак (1975).

Весь этот комплекс наиболее отчетливо демонстрируют материалы Иволгинского городища. Именно здесь исследованы жилища с канами, а костей свиней и собак найдено больше, чем костей лошадей и овец. Интересно, что собаки представлены тремя породами - лайка, крупная волкоподобная собака и дог. Большое значение жители Иволгинского городища придавали и рыболовству (Давыдова, 1985: 71, 73). Весьма поразительно, что память о древнем земледелии, свиноводстве сохранилась в фольклоре бурят (Дашибалов, 2004). Быт Иволгинского городища предстает в бурятской пословице: «Гахан мяхан амтатай, газар гэр дулаахан» (Мясо свиньи вкусное, жизнь в землянке теплая). Знаменательно, что в бурятском языке есть распространенное выражение «гахай

нохой» (собаки свиньи), оно употребляется, когда собирательно говорят о домашних животных (Бурятско-русский словарь 1973, с. 152). Важно, что терминология, связанная с земледелием, а также термин «свинья» собственно монгольского происхождения (Стариков, 1967; Рассадин, 1984).

Таким образом, материалы археологических памятников Бурятии отчетливо демонстрируют, что оседлый земледельческий комплекс хунну имеет выраженные восточноазиатские истоки - это и полуземлянки с канами (ондоли), земледельческие орудия чугунного литья, культивирование проса, керамические традиции.

Вероятно, с оседлой традицией связан обычай захоронения в грунтовых могилах в гробах. По китайским источникам хунну хоронили в грунтовых могилах без надмогильных курганов «не насыпают могильных холмов» (Материалы по истории сюнну... 1968: 40). Весьма примечательно, что и некоторые средневековые монгольские погребения являются грунтовыми. Возле двух монгольских городов (Ден-Терек и Оймак) в Туве обнаружены кладбища с каменными статуями монгольских чиновников и изваяния львов и баранов, а также раскопана грунтовая могила с небольшим подбоем, в котором находился деревянный гроб (Кызласов, 1969).

Вспомним, что о грунтовых могилах монголов писали многие средневековые авторы. Интересно, что в «Цааджин бичиг» своде маньчжурских актов XVII в. для монголов, где как и в любом юридическом документе, часть статей имеет древнее происхождение, написано «Если кто-то пожелает соорудить усопшему обо (могильный курган), то пусть сооружает. Если кто-то пожелает хоронить умершего по монгольскому обычаю, то пусть это делает каждый по своему усмотрению» (1998: 74). Тут видно, явное противопоставление курганной традиции и родной монгольской, что скрывается за словами «хоронить умершего по монгольскому обычаю» не раскрыто, но не исключено, что это грунтовая могила без надмогильной конструкции.

Изучение «Сокровенного сказания» показывает, что в хозяйстве средневековых монголов рыболовство еще сохраняло свое значение: Чингисхан с братьями в детстве ловит рыбу на крючки и сети на реке Онон, рыболовством занимаются и на реке Килхо. Языковые выражения XIII века, сохранившиеся в «Сокровенном сказании», свидетельствуют о былом значении рыболовства: «Если б они в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их, обернувшись сетью-неводом» или же «Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра» (Сокровенное сказание монголов, 1990, с. 24, 39, 95, 140).

Мы предполагали, что в бурятском языке должно было бы сохраниться и название кана. Корейское название кана – гудыл, ондоли (Артемьева, 1998: 91,93). В бурятском языке есть слово «һандали» в значении - сиденье, скамейка. Выражение «һандали дээрэ хэбтэхэ» значит - ложиться на скамью, лежать на

скамейке (Бурятско-русский словарь, 1973: 675). Очевидно, здесь мы можем говорить не только о фонетической близости корейского и бурятского слов «ондоли-хандали», но и об общих истоках формирования понятий о кане. По материалам Л.Р.Кызласова монголы в эпоху Чингисхана даже в войлочных юртах продолжали сооружать деревянные лежанки, имитировавшие традиционные каны. В китайском тексте «Секретной истории монголов» рассказывается, как враги Темучина, разыскивая его, «обыскали юрту, кибитку и под каном». Переводчик П.Кафаров разъясняет, что каном здесь названы подмости «устраиваемые в юрте для сидения и лежания» (по Кызласову, 1975: 175). Приведем варианты: С.А.Козина - «обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений»; бурятский перевод Ч.-Р.Намжилова с монгольского - «Гэртэнь орожо оро дэрэ, тушэлгэтэй хандали доогурнь» (Сокровенное сказание монголов (на бурятском, русском языках), Улан-Удэ, 1990: с. 29 русский перевод, с. 42 бурятский перевод). Вспомним здесь и хуские лежанки, о которых часто упоминают китайские летописи.

Таким образом, мнение, высказанное еще И. Бичуриным, а затем поддержанное японским исследователем К. Сиратори и монгольскими учеными Г.Сухбаатаром, Ц.Доржсуреном о монголоязычности хунну получает новые аргументы в археологических материалах хунну. Вместе с тем, мы не должны забывать, что хунну создали государство, население которого, как в любом государстве, было этнически неоднородным.

Таким образом, в культуре хунну, можно видеть, как две линии центральноазиатской истории соединились в единое целое. Вместе с тем, культура хунну соединила в одной культуре оседлость и кочевничество. Оседлые традиции хунну связаны с древней монгольской традицией.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурятско-русский словарь*, 173. М. 803 с.
- Давыдова А.В., 1985. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л. 111 с.
- Дашибалов Б.Б., 2003. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Улан-Удэ, 124 с.
- Дашибалов Б.Б., 2004. О дальневосточных традициях в культуре бурят и монголов. -Вестник ДВО РАН. – № 2. 55-59.
- Кызласов Л.Р., 1975. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) -Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 170-177.
- Кычанов Е.И., 1980. Монголы в VI–первой половине XII в. -Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 136-148.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*, 1968. М. 177 с.
- Рассадин В.И., 1984. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии. -Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 55-80.
- Сокровенное сказание монголов*. 1990. Улан-Удэ, 318 с.
- Стариков В.С., 1967. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М. 256 с.
- Цааджин бичиг («Монгольское уложение»), 1998. Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. М. 342 с.